

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС
СТАУТ

Тройной риск

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут
Тройной риск

«Азбука-Аттикус»

1951-1954

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Тройной риск / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1951-1954 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19731-2

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. В сборник "Тройной риск" входят три повести: "Не рой другому яму", "Убийство полицейского" и "Малый и обезьянка".

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19731-2

© Стаут Р. Т., 1951-1954

© Азбука-Аттикус, 1951-1954

Содержание

Не рой другому яму	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рекс Стаут Тройной риск

Rex Stout

TRIPLE JEOPARDY

Copyright © 1951, 1952, 1953, 1954 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Дениса Попова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Д. В. Попов, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

* * *

Не рой другому яму

Глава 1

– Наш племянник Артур был юношей романтического склада, – произнесла миссис Бенджамин Рэкелл, едва разлепив тонкие строгие губы. – Он полагал, что быть коммунистом – это очень романтично.

Ниро Вулф, расположившийся за своим столом в кресле, способном выдержать его вес в одну седьмую тонны, хмуро взирал на нее. Я же на своем месте, вооруженный блокнотом и ручкой, позволил себе тайком ухмыльнуться, не без толики сочувствия. Разгневанный донельзя, Вулф тем не менее пытался держать себя в руках. Сегодня утром секретарь «Рэкелл импортинг компани» договорился со мной по телефону, что глава их фирмы нанесет визит на Западную Тридцать пятую улицу, где на первом этаже старого особняка из бурого песчаника и располагается наш кабинет. Однако о том, что мистер Рэкелл явится в сопровождении супруги, и речи не шло. А теперь супруга эта – я уже молчу о том, что созерцать ее было мало радости, – постоянно вмешивалась в разговор и изрекала банальности: одного этого было вполне достаточно, чтобы Вулф разозлился на любого мужчину, а на женщину – тем более.

– Однако, – возразил он, стараясь говорить не слишком язвительно, – вы же сами только что сказали, будто ваш племянник вовсе не был коммунистом, а, наоборот, вступил в Коммунистическую партию по заданию ФБР.

Вулф с величайшим удовольствием выгнал бы дамочку. Однако надо было содержать дом, в котором насчитывалось пять этажей, включая цокольный этаж и оранжерею с орхидеями на крыше, к тому же еще приходилось платить жалованье нашему повару и дворецкому Фрицу, садовнику Теодору и мне, Арчи Гудвину, правой руке и первому помощнику знаменитого сыщика. А теперь учтите, что никаких других источников дохода, кроме гонораров частного детектива, у Вулфа не было, а Рэкеллы уже внесли задаток: их чек на три тысячи баксов покоился сейчас под пресс-папье у него на столе.

– Вот именно, – нетерпеливо подтвердила миссис Рэкелл. – Разве не романтично работать на ФБР? Но Артур был настоящим патриотом: он хотел служить своей стране, именно за это его и убили. А романтика тут совершенно ни при чем.

Вулф скривился и решил не обращать внимания на не слишком логичное заявление клиентки. Его взор обратился на ее мужа, мистера Рэкелла. Пожалуй, жена назвала бы его коротышкой из-за коротких рук и ног, однако замухрышкой он точно не был, так как короткие конечности компенсировались длинным и широким туловищем и большой головой. Опущенные уголки рта придавали посетителю скорбный вид.

– Вы обращались в ФБР, мистер Рэкелл? – спросил его Вулф.

Ответила, однако, снова жена:

– Нет, вчера я сама туда ходила. Ну и типы там работают! Представляете, они совершенно ничего не сказали мне. Даже не признали, что Артур служил у них тайным агентом! Заявили, мол, убийство – это дело полиции и мне следует поговорить с копами... Как будто я не говорила!

– Полин, я ведь предупреждал тебя, – сказал Рэкелл тихо, но отнюдь не робко, – в ФБР нам ничего не расскажут. Да и полиция предпочтет помалкивать, если в деле замешаны коммунисты. Поэтому я и настаивал на обращении к Ниро Вулфу: он сумеет выяснить, что происходит. Если ФБР не хочет предавать огласке тот факт, что Артур работал на них, даже если это означает, что его убийца останется безнаказанным, то чего еще можно ждать?

– Я ожидаю правосудия! – отчеканила миссис Рэкелл с таким пафосом, что я обвел эту фразу у себя в блокноте.

Вулф, нахмурившись, уставился на Рэкелла:

– Тут какая-то путаница. Я так понял, что вы хотите нанять меня расследовать убийство. А теперь вы говорите, будто явились ко мне с целью выяснить, что происходит. Если вы хотите, чтобы я расследовал действия полиции и ФБР, то мне это не по зубам.

– Я не говорил этого, – запротестовал Рэкелл.

– Хорошо, давайте внесем ясность. Чего вы от меня хотите?

Рэкелл принял еще более скорбный вид.

– Нам нужны факты, – заявил он. – Думаю, полиция и ФБР вполне способны пожертвовать интересами отдельного человека ради того, что они сочтут государственными интересами. Нашего племянника убили, и моя жена имела полное право спросить у представителей закона, что они предпринимают, но они не удосужились ей ответить. Я не намерен спускать им это с рук. У нас демократия или что? Я не...

– Да какая уж там демократия, если у власти республиканцы! – раздраженно бросила его жена.

– Давайте я подведу итог, чтобы убедиться, все ли правильно понял, – едва сдерживая ярость, произнес Вулф. – Я обобщу информацию, соединив прочитанное в газетах с тем, что вы мне рассказали. – Теперь он повернулся к миссис Рэкелл, вероятно рассудив, что та не станет перебивать его, если он будет смотреть на нее в упор. – Итак, Артур Рэкелл, сирота, племянник вашего мужа, служил в фирме своего дяди, где весьма успешно возглавлял один из отделов. Он получал хорошее жалованье и проживал в вашем доме в Нью-Йорке на Шестьдесят восьмой улице. Приблизительно три года тому назад вы начали замечать, что в дискуссиях на политические и социальные темы Артур стал придерживаться радикально левых взглядов. Вам это не понравилось, и вы пытались образумить молодого человека, но тщетно. Постепенно его убеждения и воззрения становились все более левыми и откровенно коммунистическими. Вы оба – вы и ваш супруг – спорили с племянником и увещевали его, однако...

– Я – да, – раздраженно вмешалась миссис Рэкелл. – Мой муж – нет.

– Неправда, Полин, – запротестовал Рэкелл, – я тоже с ним спорил. – Он взглянул на Вулфа. – Но какое я имел право настаивать? Мой племянник был взрослым человеком. Я платил ему жалованье и не хотел, чтобы мальчик считал, будто что-то мне должен... – Он махнул рукой. – Я любил Артура, он как-никак был сыном моего покойного брата.

– В любом случае, – бесцеремонно продолжил Вулф, по-прежнему обращаясь к жене, – он не изменился и упрямо продолжал придерживаться коммунистических взглядов. Ваш племянник одобрил коммунистическую агрессию в Корею и осудил действия ООН. В конце концов вы сочли подобное положение невыносимым и предъявили ему ультиматум: либо он отказывается от своих возмутительных...

– Не ультиматум, – поправила миссис Рэкелл. – Мой муж не согласился на такую крайность. Я всего лишь...

Вулф попросту перекричал ее:

– По крайней мере, вы дали племяннику понять, что ваше терпение лопнуло и его присутствие в вашем доме более нежелательно. Должно быть, вы заняли весьма твердую позицию, поскольку Артуру пришлось сообщить вам совершенно секретную информацию: он был тайным агентом и еще в тысяча девятьсот сорок восьмом году по заданию ФБР вступил в Коммунистическую партию США с целью агентурной работы. Естественно, простыми увещеваниями вытянуть из него эти сведения было бы невозможно.

– Да уж, узнать правду было нелегко. Я сказала ему... – Миссис Рэкелл замолчала, поджав и без того тонкие губы, затем слегка расслабила их, чтобы можно было цедить слова. – Мне

кажется, Артур опасался, что потеряет работу, а платили ему хорошо. Гораздо больше, чем он на самом деле заслуживал.

– Так или иначе, – кивнул Вулф, – племянник поделился с вами своей тайной, и вы пообещали хранить ее, став его союзницей. Про себя вы восхищались Артуром, но с другими вам приходилось притворяться, продолжая открыто осуждать его. Вы рассказали правду только мужу и больше никому. Это, говорите, произошло примерно неделю назад?

– Да.

– А в субботу вечером, то есть три дня назад, вашего племянника убили. Теперь поговорим об убийстве. К тому, о чем сообщалось в газетах, вы мало что добавили, но все же давайте посмотрим. Итак, Артур вышел из дому и взял такси до ресторана «У Чезара», где устраивал обед, на который он пригласил трех женщин и двоих мужчин. Когда ваш племянник приехал, они уже ждали его в баре, а потому все вместе направились к заказанному столу и начали с коктейлей. Ваш племянник достал металлическую коробочку для пилюль...

– Не металлическую, а золотую.

– Золото – это металл, мадам. Артур достал ее из кармана, из бокового кармана пиджака, и положил на стол, где она и находилась, пока он обсуждал меню с официантом. Потом завязалась беседа. Когда принесли тарелки, булочки и масло, коробочку для пилюль отодвинули в сторону. В общей сложности она находилась на столе десять-двенадцать минут. Затем подали закуску, и ваш племянник начал было есть, но вспомнил про таблетницу, нашел ее за корзиной с булочками, достал оттуда капсулу с витаминами, проглотил ее, запив водой, и принялся за закуску. Через шесть-семь минут он вдруг вскрикнул, вскочил на ноги, опрокинув стул, несколько раз конвульсивно дернулся, а затем оцепенел и рухнул на пол. Вскоре появился врач, но Артур был уже мертв. Выяснилось, что две другие капсулы в металлической коробочке, схожие по виду с той, что он принял, содержали безвредные витамины. Однако ваш племянник проглотил цианистый калий. Его убили, подменив капсулу с витаминами капсулой с ядом.

– Точно. И вот что...

– Я продолжу, если не возражаете. Вы были и по сию пору остаетесь убеждены, будто подмену осуществил один из приглашенных на обед, который состоит в Коммунистической партии и который прознал, что ваш племянник работает на ФБР. Именно это вы и сказали инспектору Кремеру из полиции. Вас не удовлетворило, как он воспринял сию информацию. Поэтому утром в понедельник, то есть вчера, вы отправились в приемную ФБР, где встретились с мистером Анстреем, но и его ответы также сочли уклончивыми. Он отмахнулся, заявив, что убийство на Манхэттене находится в компетенции нью-йоркской полиции. Возмущенная, вы отправились в кабинет инспектора Кремера, однако не застали его и поговорили с сержантом по фамилии Стеббинс, после чего разгневались еще больше и пришли к заключению, что в предложении вашего мужа обратиться ко мне есть определенный резон. И вот вы оба здесь. Я не упустил ничего важного?

– Одна небольшая деталь. – Мистер Рэжелл прочистил горло. – Мы сказали инспектору Кремеру, что Артур вступил в Коммунистическую партию по заданию ФБР, сказали это по секрету. Естественно, наш разговор с вами тоже имеет конфиденциальный характер, поскольку мы являемся вашими клиентами.

– Пока еще не являетесь, – покачал головой Вулф. – Вы хотите нанять меня для расследования смерти вашего племянника?

– Да. Конечно.

– Тогда вам следует знать, что, хотя по части осмотрительности мне нет равных, работать при наличии каких-либо ограничений я не стану.

– Вполне справедливо.

– Хорошо. Я дам вам знать о своем решении завтра, думаю, к полудню. – Вулф потянулся, отпихнул пресс-папье и взял чек. – Я пока оставлю его у себя и верну, если вдруг не смогу взяться за ваше дело. Согласны?

Рэкелл озадаченно нахмурился. Его жена раздраженно спросила:

– И почему же вы не сможете взяться за него?

– Пока не знаю, мадам. Надеюсь, что смогу. Мне нужны деньги. Но мне придется кое-что проверить... разумеется, осторожно. Я уведомя вас самое позднее завтра. – Он протянул ей чек. – Если только вы не предпочтете забрать его и обратиться в другое место.

Посетителям это не понравилось, особенно ей. Миссис Рэкелл даже встала с красного кожаного кресла и, все так же поджав губы, забрала чек, однако после некоторого обмена мнениями супруги все-таки решили рискнуть, и она положила чек обратно на стол. Они хотели снабдить нас подробностями относительно пятерых гостей, которых племянник позвал на тот роковой обед, но Вулф сказал, что это подождет, и потенциальные клиенты покинули нас, явно недовольные. Когда я проводил их до двери, Рэкелл поблагодарил меня вежливым кивком, тогда как его жена попросту проигнорировала мое существование.

Вернувшись в кабинет, я убрал чек в сейф, после чего принялся разглядывать Вулфа. Кончик носа у того подергивался, а рот скривился так, словно бедняга только что проглотил устрицу с хреном: подобное сочетание он совершенно не переносил.

– Тут уж ничего не поделаешь, – объявил я ему. – Придется терпеть, если хотите удержать клиентов. И что же мы будем проверять?

Он вздохнул:

– Набери мистера Уэнгерта из ФБР. Ты должен с ним повидаться, по возможности нынче вечером. Я возьму трубку.

– Уже почти семь часов.

– Все равно попробуй.

Я сел за свой стол, набрал номер RE 2-3500, поговорил сначала с незнакомцем, потом с человеком, с которым виделся пару раз, и доложил Вулфу:

– Отсутствует. Будет завтра утром.

– Договорись о встрече.

Я так и сделал.

Вулф сидел, хмуро глядя на меня:

– Я дам тебе подробные инструкции после обеда. У нас имеются выпуски «Газетт» за последние три дня?

– Конечно.

– Принеси их, пожалуйста. Проклятье! – Он снова вздохнул. – Убийство произошло в субботу, а завтра уже среда. Преступление остыло, и теперь придется, как обед, разогревать его заново. – Тут он выпрямился, и лицо его просветлело. – Интересно, а что Фриц соорудил из той рыбы?

Вулф встал с кресла и двинулся в прихожую, а затем на кухню.

Глава 2

Утром в среду весь воздух над Манхэттеном как будто прогнали через кондиционер, но только в обратную сторону. Пингвинам не понравилось бы, это уж точно. По пути на Фолисквер, где располагается Управление ФБР, я снял в такси пиджак, однако, расплатившись и выйдя из машины, вновь надел его. Вспотею – ну и ладно, зато продемонстрирую всему миру, насколько крут может быть частный детектив: любая жара ему нипочем.

Однако, когда меня после некоторого ожидания допустили в просторный угловой кабинет Уэнгерта, я обнаружил, что он преспокойно сидит себе в рубашке, ослабив узел на галстуке и расстегнув воротничок. Уэнгерт поднялся для рукопожатия и предложил мне сесть. Мы обменялись любезностями.

– Не видел тебя с тех пор, как ты перебрался в этот шикарный кабинет, – сказал я. – Мои поздравления.

– Благодарю.

– Не за что. Вижу, в голосе у тебя появились начальственные нотки, но, полагаю, это вполне закономерно. Мистер Вулф шлет тебе поклон.

– Я очень рад. Передавай ему тоже от меня привет. – Голос Уэнгерта заметно потеплел. – Никогда не забуду, как ловко он распутал то дело о ртути. – Он бросил взгляд на свои часы. – Чем могу быть полезен, Гудвин?

Несколько лет тому назад, когда мы оба служили в армейской разведке, он называл меня Арчи, но тогда у него не было углового кабинета с пятью телефонами на столе. Я закинул ногу на ногу, продемонстрировав, что совершенно никуда не спешу.

– Ну, в общем-то, ничего особенного, – отозвался я. – Мистер Вулф лишь желает кое-что прояснить. Вчера к нему явилась супружеская пара по фамилии Рэкелл. Они хотят, чтобы он занялся расследованием смерти их племянника Артура Рэкелла. Тебе известно об этом деле или, может, проконсультируешься у коллег? Миссис Рэкелл уже встречалась с мистером Анстреем.

– Известно. Продолжай.

– Тогда мне не придется подробно все излагать. По сведениям, полученным в банке, состояние Рэкелла оценивается в сумму с семью нолями, и мы были бы не прочь отработать гонорар, выявив убийцу, но, понятное дело, в первую очередь следует учитывать интересы своей родной страны. Нам было бы крайне неловко торпедировать корабль государства в такую бурю. Рэкеллы обратились к мистеру Вулфу, поскольку уверены, что ФБР и полиция Нью-Йорка считают смерть Артура прискорбным, но незначительным происшествием. Сами же они утверждают, что их племянника якобы убил некий коммунист, проведавший, что тот был подсадной уткой ФБР. Прежде чем мы начнем разрабатывать эту версию, мистер Вулф хочет разведать обстановку. Может, скажешь нам или хотя бы шепнешь мне на ушко: на самом деле покойный работал на вас?

– Ну и погода сегодня, – констатировал Уэнгерт, – еще жарче, чем вчера.

– Ага. Ну, может, хоть какой-нибудь намек дашь?

– Нет.

– Тогда попробую задать вопрос общего характера. В газетах ни единым словом не упоминали ни про коммуниак, ни про ФБР. Ваша контора занимается этим убийством?

– Сегодня гораздо жарче, чем вчера, – гнул он свое.

– Согласен. Ладно, а как насчет тех пятерых, что присутствовали на обеде? Может, у ФБР будут на их счет какие-нибудь просьбы или пожелания? Возможно, существуют определенные ниточки, за которые нам не следует дергать?

– К тому же сегодня еще и влажно.

– Безусловно. Я так понимаю, ты был бы не прочь дать нам понять открытым текстом, чтобы мы держались в сторонке. Да вот только опасаясь, что завтра газеты запестрят заголовками вроде «ФБР ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ НИРО ВУЛФА: ЗА УБИЙСТВО РЭКЕЛЛА ЛУЧШЕ НЕ БРАТЬСЯ». Кроме того, если ты захочешь включить нам красный свет, тебе придется объяснять почему, в противном случае мы его просто проигнорируем. Единственно для внесения ясности скажи, существует ли какой-нибудь вопрос, который я мог бы задать, чтобы ты перестал талдычить о погоде?

– Нет. – Уэнгерт встал. – Было приятно повидаться с тобой по старой памяти, и ты все-таки передавай Вулфу от меня привет, но заодно скажи ему, чтобы катился к черту. Какая наглость! Посылать тебя сюда, чтобы прояснить ситуацию! Что же он сразу не попросил меня прислать досье? Чтобы больше я тебя здесь не видел!

Я двинулся к двери, но на полпути остановился.

– Утром по радио сказали, что сегодня будет девяносто пять градусов в тени, – сообщил я и вышел.

На Фоли-сквер всегда стоят такси. Я снял пиджак, забрался в одно и назвал адрес на Западной Двадцатой улице. Пока мы туда добрались, моя рубашка уже прилипла к спинке сиденья. Я отлепился, заплатил водителю, выбрался из машины, надел пиджак и зашел в здание. Штаб-квартира убойного отдела Западного Манхэттена была знакома мне гораздо лучше, чем Управление ФБР. Неплохо знал я и местных обитателей, в особенности одного из них, сидевшего за облезлым столиком в облезлой комнатухе, куда меня и проводили. После того как я однажды ухитрился сфотографировать припрятанный копами документ, хотя они так и не смогли доказать, что я это сделал, мне не позволяли свободно разгуливать по зданию. Сержант Пэрли Стеббинс был крупным и сильным мужчиной, но отнюдь не красавчиком. Его старое, проржавевшее вращающееся кресло закрипело и застонало, когда он откинулся назад.

– Ох черт! – произнес я, садясь. – Совсем забыл. Я же собирался принести тебе банку с машинным маслом. – Я задрал голову. – Что это ты на меня так уставился? У меня лицо испачкано?

– На твоей физиономии разве грязь разглядишь? – Он продолжал на меня тарашиться. – Проклятые, ну почему они выбрали Ниро Вулфа?!

Я чуть подумал – секунды две, пожалуй, – и елейно проговорил:

– Рад слышать, что копы и федералы столь тесно сотрудничают. Граждане могут спать спокойно. Уэнгерт, должно быть, позвонил сюда через минуту после моего ухода. И что же он сказал?

– Он разговаривал с инспектором. Чего ты хочешь?

– Возможно, мне тоже следует поговорить с инспектором.

– Он занят. Значит, Рэкеклы наняли Вулфа?

Я задрал нос и с достоинством пояснил:

– Мистер и миссис Рэкелл обратились к мистеру Вулфу с просьбой расследовать обстоятельства смерти их племянника. Но прежде чем развить бешеную деятельность, а он, как известно, подобен циклону, Вулф желает знать, не будем ли мы путаться под ногами у несущих бремя национальной безопасности. Я повидался с Уэнгертом, но беднягу так доконала жара, что его это совершенно не интересует. Теперь я пришел сюда. Все дело тут в коммунаках, о которых газеты ни словом не упомянули. Если наше расследование вдруг противоречит государственным интересам, объясните мне почему. Я в курсе, что вы с Кремером считаете, будто государственным интересам противоречит уже одно то, что мы обедаем, не говоря уже о расследовании преступлений, но этого недостаточно. Мы бы предпочли факты.

– Как бы не так, – пророкотал Пэрли. – Мы дадим вам факты, а Вулф потом нас же и оставит в дураках. Ишь чего захотел. Я скажу тебе лишь одно, Арчи: дельце опасное. Держитесь подальше.

Я одобрительно кивнул:

– Ну что же, весьма признателен за совет. Я передам его мистеру Вулфу. – Я встал. – Давай оформим нашу беседу в виде протокола. Сделаем три копии, одну...

– Катись ты знаешь куда! – проскрежетал он. – Убирайся вон!

Я надеялся, что мой сопровождающий проявит беспечность, но старый пузатый ветеран с приплюснутым носом поджидал меня в коридоре. Пока я шагал обратно к выходу, он вразвалочку следовал позади.

Когда я вернулся домой, было начало двенадцатого, так что Вулф уже спустился из оранжереи, где провел положенные два часа, и сидел в кабинете за столом и пил пиво. Откровенно говоря, меньше всего на свете он сейчас был похож на циклон.

– Ну? – пробурчал Вулф.

– Мы депонируем чек, – сказал я, садясь. – Уэнгерт шлет вам поклон. Пэрли – нет. Они оба думают, будто вы просто-напросто послали меня разжиться информацией на халяву, а мысль о том, что мы заботимся об общественном благе, вызывает у них только усмешку. Уэнгерт позвонил Кремеру через минуту после моего ухода. В общем, больше ничего разведать не удалось. Мы по-прежнему знаем лишь то, что напечатано в газетах.

– Звони мистеру Рэкеллу, – проворчал Вулф.

Вот так и получилось, что мы все-таки взялись за это дело.

Глава 3

В ту среду после обеда у нас в кабинете собралось семь человек. На повестке дня стояло два вопроса: были ли среди них коммунисты и являлся ли один из гостей убийцей? Почему не пятеро, а семеро? Желая быть объективным, я включил в число подозреваемых и наших клиентов.

Я разглядывал их, пока они прибывали, но даже теперь, сидя за столом и имея всех перед глазами, затруднялся делать ставки. Когда-то, много лет тому назад, я воображал, будто любой убийца – хоть мужчина, хоть женщина – наметанному глазу обязательно чем-нибудь себя выдаст, но теперь я придерживался иного мнения. И продолжал внимательно наблюдать.

Ближе всех ко мне сидел средних лет долговязый мужчина по имени Ормонд Леддегард. Может, он и был неплохим специалистом по регулированию производственных отношений – именно этим он и зарабатывал себе на жизнь, – но руки у него явно росли не оттуда. Доставая пачку сигарет и спички и прикуривая, он продемонстрировал высшую степень неуклюжести, что могло автоматически отбросить его в самый конец списка, если это не было намеренной хитростью. Ясное дело, все сразу подумают, будто подобный недотепа совершенно не способен тайком умыкнуть с обеденного стола коробочку с пилюлями, произвести подмену и незаметно вернуть ее на место. Естественно, эту деталь можно легко прояснить: достаточно поручить надежному человеку, скажем Солу Пензеру, потратить парочку дней на опрос дюжины друзей и знакомых Леддегарда.

Рядом с ним, скрестив ноги так, что хоть фотографируй ее для глянцевого журнала, расположилась Фифи Гохин. Полагаю, эта красотка скрещивала ноги автоматически, по старой привычке. Семь или восемь лет назад она стала «Дебютанткой года», и без ее фото не выходило в печать ни одно уважающее себя издание. Потом ее слава канула в Лету, и вот теперь мисс Гохин вновь попала на первые полосы газет, уже в качестве подозреваемой в убийстве. За это время она так и не вышла замуж. Поговаривали, будто не меньше сотни мужчин, соблазненных ее прелестями, открывали уже было рот для важного заявления, но, узрев в ее прекрасных темных очах жестокий блеск, тут же лишались дара речи. Так или иначе, она все еще оставалась мисс Фифи Гохин, проживающей с родителями на Парк-авеню.

Далее сидел Бенджамин Рэкелл, чек которого уже был депонирован в нашем банке. Сегодня на его длинном лице застыло даже более скорбное выражение, нежели в прошлый раз. Справа от него располагался экземпляр, который, в соответствии с анатомией, явно принадлежал к женскому полу, но в остальном подобное заключение отнюдь не представлялось очевидным. Возраст этой женщины, а звали ее Делия Девлин, также вызывал сомнения. Она занималась оптовыми закупками мелких дешевых товаров для сельских магазинов. В будни в центре Нью-Йорка можно встретить тысяч десять, не меньше, подобных дамочек, и у всех без исключения такой вид, будто им страшно докучают. Вопрос только в том, кто же им так докучает. Однажды, быть может, я попытаюсь разрешить эту загадку. В остальном же ничего ужасного в Делии Девлин не было, ну разве что уши у нее были великоваты.

Рядом с ней восседала знаменитость, хотя, конечно же, на тот момент все они оказались в сей категории, так сказать, в силу сложившегося положения. Хенри Джеймсон Хит, вплотную подошедший к полувековому рубежу, в молодости унаследовал весьма приличное состояние, однако до сих пор почти никто из состоятельных людей не считал его равней. Трудно сказать, состоял ли этот тип в Коммунистической партии или же просто поддерживал ее время от времени своими пожертвованиями, но не секрет, что он регулярно вносил залог за арестованных коммуняк. А недавно ему и самому предъявили обвинение в неуважении к конгрессу, и, по всей видимости, Хиту даже светило непродолжительное заключение. Старый костюм из сирсакара был ему явно мал, а глазки на круглом пухлом лице так и сверлили собеседника.

За Хитом расположилась Кэрол Берк, единственная посетительница, к которой я испытывал хоть какую-то симпатию. Каждый раз, когда у нас собираются гости, их рассаживанием занимаюсь я. Если кто-нибудь из них представляется мне заслуживающим изучения, я усаживаю его в ближайшее ко мне кресло. Так я поступил и с Кэрол Берк, однако, пока я встречал в прихожей Леддегарда, явившегося последним, она самовольно переместилась в другое место, и это мне совершенно не понравилось. Меня не оставляло чувство, что ей стоит уделить внимание. Обсуждая Кэрол Берк, наравне с остальными, сегодня днем с Лоном Коэном из «Газетт», я выяснил, что она считается внештатным специалистом по связям с телевидением, но в действительности услуги ее никому не требуются, что она известна своей способностью очень быстро двигаться и что существует шесть различных версий, почему три года назад ей пришлось покинуть Голливуд. Кроме того, я никак не мог решить, приятно мне на нее смотреть или нет. В случаях когда ответом на подобный вопрос является незамедлительное «нет» (а таковых значительное большинство) или такое же незамедлительное «да» (ничтожное меньшинство), подобная проблема даже не возникает, все и так ясно, но вот пограничные случаи требуют особенно пристального внимания с моей стороны. Именно к этой пограничной категории я и отнес Кэрол Берк, когда она, едва переступив порог, искоса метнула в мою сторону безнадежный взгляд своих карих глаз. Теперь, самовольно заняв кресло, она находилась в целых пяти шагах от меня.

Миссис Бенджамин Рэкелл, сегодня сжимавшая губы еще даже крепче прежнего, сидела в красном кожаном кресле у стола Вулфа.

Он окинул взглядом присутствующих и пророкотал:

– Я не буду благодарить вас за то, что вы пришли, поскольку это прозвучало бы нелепо. Вы здесь по просьбе мистера и миссис Рэкелл. А уж явились вы, чтобы сделать им одолжение, или просто сочли благоразумным не игнорировать их просьбу, несущественно.

Лично мне их присутствие здесь вообще представлялось несущественным. Очевидно, раз Вулф отправил меня на разведку на Фоли-сквер и в убойный отдел, он исходил из версии Рэкеллов, будто Артура лишили жизни коммуянки, которые пронюхали о его работе на ФБР. Однако данная версия прессой не муссировалась, и проболтаться о ней Вулфу никак было нельзя. Если зарабатываешь на жизнь частным сыском и хочешь сохранить лицензию, то раскрывать личность тайного агента ФБР крайне неблагоразумно. И даже если вдруг Артур просто-напросто решил запудрить мозги своей доверчивой тетушке, а сам в действительности был связан с ФБР не более, чем я с «Дочерьми американской революции»...¹ Нет, пожалуй, все равно лучше было держаться от этого подальше.

Поэтому Вулф не мог не только говорить по существу дела, но и позволить себе какого-либо намека на это самое существо. Как он вообще мог говорить?

Тем не менее он произнес:

– Мне не известно, дала ли полиция вам понять, в каком вы оказались положении. Копам не по нраву, что я вмешиваюсь в это дело. С самого утра, как только им стало известно, что мистер и миссис Рэкелл наняли меня, вход в мой дом находится под наблюдением. Вероятно, нынче вечером следили и за кое-кем из вас. Но мы не нарушаем никаких законов: мистер Рэкелл имеет полное право нанимать меня, я – работать на него, а вы – предоставлять мне информацию, если есть, конечно, желание.

– Уж не знаю, как другие, – Леддегард заерзал в кресле, вытягивая длинные ноги, – а лично я не испытываю ни малейшего желания участвовать в сборе информации. Я пришел лишь из вежливости к людям, понесшим тяжелую утрату.

¹ «Дочери американской революции» – созданная в 1890 г. женская общественная организация, объединяющая потомков участников Войны за независимость и выступающая за «сохранение идеалов американизма».

– И они вам за это признательны, – уверил его Вулф. – Теперь касательно вашего положения. Я разговаривал с мистером и миссис Рэкелл вчера, а потом еще раз – сегодня днем с миссис Рэкелл. Понятно, почему вы пятеро оказались в центре внимания газетчиков: все вы присутствовали на обеде, во время которого Артур Рэкелл проглотил капсулу с ядом и умер. Но возможно, у представителей закона имеются и еще какие-то причины вас подозревать. Скажите, были ли полицейские с вами откровенны?

– Чертовски глупый вопрос, – спокойно заявил Хит, однако в баритоне его чувствовалась скрытая агрессия. – Полицейские никогда не бывают откровенными.

– А я как-то знала одного честного копа, – вежливо вставила Фифи Гохин.

– Лично мне кажется, что вы просто-напросто устроили спектакль, собрав нас всех здесь, – сказала Кэрол Берк. – Нужно быть настоящим фокусником, чтобы незаметно вытащить у человека из кармана коробочку для пилюль, подменить капсулу и подкинуть ее назад. А на столе эта коробочка находилась у нас на виду.

Вулф хмыкнул:

– Вы все только и делали, что таращились на таблетницу? Все двенадцать минут?

– Никто и не говорил, что мы на нее таращились! – раздраженно выпалил Леддегард. – Но, согласитесь, осуществить подмену было невозможно.

– Пф! – презрительно пожал плечами Вулф. – С этим мог бы справиться даже простофиля. Надо всего лишь потянуться за чем-нибудь, скажем за булочкой или бокалом, прикрыть коробочку для пилюль рукой, незаметно забрать ее, потом под столом подменить капсулу и вернуть коробочку на место, замаскировав это действие другим случайным неприметным движением. Тут вовсе не обязательно быть профессиональным фокусником.

– Возможно, я чего-то не понимаю, – снова выступил Леддегард. – Но объясните мне: почему подмена обязательно была произведена в ресторане? Разве это нельзя было сделать раньше?

– Конечно же, этого исключать нельзя, – кивнул Вулф. – Ведь вы пятеро – далеко не единственные, кто состоял с Артуром Рэкеллом в отношениях достаточно близких, чтобы знать о том, что он три раза в день, перед едой, принимает витамины в капсулах. Да и возможность совершить подмену была не только у вас. Однако... – Его взгляд обратился влево. – Миссис Рэкелл, не могли бы вы повторить то, что рассказали мне сегодня днем? О субботнем вечере?

Все это время она не отрывала глаз от Вулфа, но теперь повернулась, чтобы уделить внимание и остальным. Судя по выражению лица нашей клиентки, она считала всех присутствующих поголовно, за исключением своего мужа разумеется, коммунистами и убийцами. Затем миссис Рэкелл вновь обратилась к Вулфу:

– Весь тот день мой муж и Артур получали разрешение на отгрузку товара и домой вернулись лишь незадолго до шести. Они отправились принять душ и переодеться. Пока Артур находился в ванной, наша кухарка и экономка миссис Кремп прошла к мальчику в комнату, чтобы забрать в стирку его одежду – рубашку, носки и белье... Это в порядке вещей, она много лет так поступала. Вещи, которые Артур выложил из карманов, лежали на комод. Миссис Кремп заглянула в таблетницу и увидела, что там пусто. Тогда она достала три капсулы из флакона в ящике – в нем изначально содержалось сто штук, и он уже наполовину опустел – и положила их в коробочку. Это она тоже проделывала ежедневно. Хорошая женщина и опытная домработница, вот только чересчур сентиментальная.

– И у нее не было причин желать вашему племяннику смерти? – поинтересовался Вулф.

– Естественно нет!

– Она, конечно же, рассказала обо всем полиции?

– Конечно.

– Кроме вас четверых – вас, вашего мужа, племянника и миссис Кремп, – кто-нибудь еще находился в квартире?

– Нет. Никого. Горничная уже ушла. Мы с мужем собирались на выходные поехать за город.

– Хорошо, а после того, как миссис Кремп положила капсулы в коробочку, и до того момента, как ваш племянник вышел из душа, заходили ли вы к нему в комнату в течение этого времени?

– Нет. Я к нему вообще не заходила.

– А вы, мистер Рэкелл?

– Нет. – Голос его тоже звучал скорбно, под стать выражению лица.

Вулф снова обвел присутствующих взглядом:

– Значит, мы имеем следующее: Артур Рэкелл принял душ, оделся и положил коробочку с пилюлями в карман. Полиция не желает делиться со мной сведениями, но я читаю газеты. Покинув квартиру, он спустился на лифте и вышел на улицу, и швейцар поймал для него такси. В такси Артур Рэкелл ехал один, и оно доставило его напрямиком к ресторану. Оставшиеся во флаконе капсулы исследовали и начиненных ядом среди них не обнаружили. Вот такая история. Вы готовы обвинить миссис Кремп или мистера и миссис Рэкелл? Можете заявить, что один из них убил Артура Рэкелла?

– Это маловероятно, хотя и возможно чисто теоретически, – пробормотала Делия Девлин.

– Да уж, чисто теоретически, – согласился Вулф. – Равно как и то, что Артур Рэкелл решил за обедом свести счеты с жизнью или что капсула с ядом оказалась во флаконе случайно. Но я исключаю эти варианты как слишком уж неправдоподобные, и, полагаю, полиция со мной согласится. Пытливый ум редко исходит из абсолютной уверенности, он должен обходиться предположениями, и на основании представленных свидетельств я выдвигаю гипотезу: когда Артур прибыл в ресторан, яда в капсулах еще не было. Я предлагаю вам оспорить данное предположение. Если не можете этого сделать, значит подмена была произведена в ресторане, и вы должны понимать, чем это для вас оборачивается. Полиция заинтересовалась вами, и я тоже. Вот только вопрос: представляете интерес вы все или же кто-то один? В ближайшее время я намерен это выяснить.

– Вы напугали меня до смерти, – заявила Фифи Гохин. – А я девушка хрупкая, запросто могу отбросить коньки. – Она встала. – Пошли, Ледди, я угощу тебя выпивкой.

Леддегард взял ее за локоть и слегка встряхнул.

– Не торопись, Фи, – ответил он ей мрачно. – Этот парень знает что делает. К тому же он славится своими коктейлями. Давай посмотрим, что будет дальше. Сядь.

– Вздор! Ты просто-напросто испугался за свою репутацию. – Она высвободилась и быстро сделала два шага к столу Вулфа; ее голос зазвучал чуть громче. – Мне тут не нравится. Вы такой жирный, что на вас смотреть противно. Да еще эти дурацкие орхидеи! – Фифи взмахнула рукой и сшибла на пол вазу с мильтониями.

Поднялась суматоха. Миссис Рэкелл поджала ноги, чтобы ее не задела падающая ваза. Кэрол Берк что-то сказала, но я не расслышал. Леддегард вскочил с кресла и кинулся к Фифи, но та бросилась к Хенри Джеймсону Хиту, положила ладони ему на щеки, склонилась и принялась его заклинать:

– Хэнк, я люблю тебя! Ты любишь меня? Уведи меня куда-нибудь и купи выпивку!

Тут вскочила Делия Девлин и, улучив момент, отвесила ей подзатыльник. Удар получился отнюдь не слабым, и Фифи, потеряв равновесие, едва не упала. Тогда Хит тоже поднялся и занял позицию между ними. Делия стояла, сверкая очами, но потом Фифи расстроила пантомиму, принявшись выкрикивать Делии через плечо Хита:

– Не поможет, Дэл! Да, он сейчас с тобой, но мечтает только обо мне! Неужели ты сама не видишь? Лучше отпусти его по-хорошему! А уж я смогу сделать его счастливым, если только он купит новый костюм, перестанет брать на поруки коммунык и не угодит в тюрьму! Ты понял,

Хэнк? – Она провела пальцами по щеке Хита, а затем обошла вокруг стола и заявила Вулфу: – Угостите даму выпивкой.

Я как раз находился рядом, водружая на место вазу с орхидеями. Ковер, слава богу, не пострадал. Крепко взяв Фифи под руку, я отвел ее через комнату к столу рядом с большим глобусом, который мы с Фрицем должным образом оснастили, и спросил, чего она хочет. Она хотела скотч со льдом, и я приготовил его в достаточном количестве. Затем остальные наши посетители также озвучили свои предпочтения, и Кэрол Берк взялась мне помогать. Мистер Рэкелл, сидевший между Делией и Фифи, решил переместиться и занял кресло Кэрол, так что, когда мы закончили с напитками, ей пришлось сесть на его место.

На протяжении сего антракта только двое продолжали сидеть неподвижно и хранить молчание: миссис Рэкелл и Ниро Вулф. Теперь же он в очередной раз оглядел присутствующих и угрюмо произнес:

– Надеюсь, мисс Гохин закончила свое импровизированное представление. Так вот, продолжим. Я пытался ясно дать понять, что вы впятером оказались в затруднительном положении. Я не собираюсь донимать вас подробными расспросами, скрупулезно устанавливая, кто где сидел в ресторане в тот вечер, когда и куда выходил, а также кто что видел или не видел. Полиция наверняка уже над этим поработала, и тут я безнадежно отстал. Я мог бы потратить несколько часов, так сказать, на раскопки, пытаюсь отыскать мотив, почему кто-либо из вас желал Артуру Рэкеллу смерти, но у полиции на это тоже было четыре дня, и крайне сомнительно, что мне удастся их нагнать. Раз уж вы оказались столь любезны, что явились сюда по просьбе миссис Рэкелл, полагаю, вы, скорее всего, не отказались бы ответить на ряд моих вопросов, да вот только, боюсь, спрашивать вас особенно не о чем. Скажите, вы собирались вместе после того субботнего вечера?

Они переглянулись. Леддегард уточнил:

– Вы имеете в виду все впятером?

– Да.

– Нет, не собирались.

– Тогда, думаю, вам есть о чем поговорить. Начинайте. А я пока попоью пива да послушаю. Естественно, хотя бы один из вас да будет начеку, но остальные могут говорить свободно. Может, скажете что-нибудь полезное.

Кэрол Берк, сидевшая теперь чуть ближе ко мне, издала смешок. Фриц принес поднос, и Вулф открыл бутылку, наполнил пивом стакан, подождал, пока пена не осядет, и сделал глоток. Некоторое время все молчали.

Затем заговорил Леддегард:

– Кажется, не сработало. А вы чего ожидали?

– Тогда мы должны постараться, чтобы сработало, – объявила Фифи. – По мне, так этот толстяк чертовски деликатен, и нам стоит ему помочь. – Она повернулась к мисс Берк. – Кэрол, давай поболтаем.

– Охотно, – согласилась та. – Ты начинаешь. Давай.

– Ладно. Я, пожалуй, начну так. Все мы знали, что Артур был чуть ли не комиссаром, я всегда обращалась к нему не иначе как «товарищ». Мы также знали, что его дяде и тете это очень и очень не нравилось. Он, бедняга, ужасно боялся потерять работу, но и убеждениями своими поступиться тоже не желал. Мы ведь все знали об этом, правда?

– Конечно.

– А вот это вы знали? Артур рассказал мне... Когда же это было? Ну да, ровно неделю тому назад. После того как тетя поставила ему ультиматум: или берись за ум, или выметайся на улицу, он наплел ей, будто тайно работает на ФБР, шпионя за коммунаками. Разумеется, это была неправда. На самом деле Артур считал, что ФБР – то же гестапо. Помню, я еще тогда сказала, что ему не следовало...

– Это ложь!

Миссис Рэкелл не выкрикнула эти слова, но эмоций вложила в них немало. Все взоры обратились на нее. Муж встал и положил руку ей на плечо. Они зашушукались.

– Это мерзкая ложь! – повторила миссис Рэкелл. – Да как вы смеете! Мой племянник был настоящим патриотом! А вы все ему и в подметки не годитесь! – Она тоже встала. – С меня довольно. Нам вообще не следовало сюда приходить. Бен, мы уходим! – заявила она мужу и покинула кабинет.

Мистер Рэкелл пробормотал Вулфу:

– Прошу простить, но для моей жены это шок... Настоящий шок... Я позвоню вам... – И бросился за ней.

Я тоже направился в прихожую, чтобы выпустить супругов, но миссис Рэкелл уже открыла дверь и вышла на крыльцо. Муж последовал за ней. Мне оставалось лишь закрыть дверь и вернуться в кабинет.

Там стоял гул. Фифи разговорилась с ними всех будь здоров. Вулф, снова наполнив стакан, наблюдал за поднимающейся пеной. Я подошел к Фифи, взял у нее стакан и направился к столу, решив, что она заработала добавку.

Фифи по-прежнему была в центре внимания, охотно делилась с присутствующими подробностями. Она была уверена, что Артур не наврал ей. Он поделился с ней строго по секрету – где и когда именно состоялся разговор, красotka уточнить отказалась, – что выдал тетушке бесстыдную ложь, будто работает на ФБР, и это должно оставаться в строжайшей тайне. Нет, она не рассказала этого полиции. Полицию она не любит, и особенно лейтенанта Роуклиффа, этого неотесанного деревенщину, который допрашивал ее целых три раза.

Я смотрел, слушал и пытался определить, не ломает ли Фифи комедию. Навесить на нее ярлык было непросто. Покрывала ли она кого-нибудь из остальных, и если да, то кого? Ни к какому заключению я так и не пришел, интуиция моя тоже помалкивала. Новость заинтересовала аудиторию, и вопросы задавали абсолютно все, даже Делия Девлин, хотя она и не обращалась к Фифи напрямую.

Единственной, кто обратил на меня внимание, оказалась Кэрол Берк, которая покосилась на меня и заметила, что я перехватил ее взгляд. Я поднял бровь:

– Что, мяч отправлен в аут?

– Интересное сравнение. – Она улыбнулась, как могла бы улыбнуться попрошайке, – человечно, но с ощущением собственного превосходства. – И на чьей же стороне, по-вашему, преимущество?

Тогда-то я и решил, что смотреть на Кэрол все-таки стоит, хотя бы затем, чтобы выяснить, что же она скрывает.

– Они все нарушают правила, – ответил я. – Все пятеро. Это не по правилам. Судья этого не позволит. Мистер Вулф – судья.

– По мне, так он больше смахивает на стенку перед воротами, – заметила она безразлично.

Я решил, если подвернется подходящий случай, надо будет провести с Кэрол побольше времени, чтобы дать ей понять, что она меня ни капельки не привлекает.

Внезапно Фифи Гохин снова направилась к бару. На этот раз она позаботилась не только о себе. Прихватив бутылку скотча, она на добрых три пальца плеснула его Вулфу в стакан с пивом, после чего поставила бутылку прямо перед ним, перегнулась через стол и погладила его по макушке.

– Наслаждайтесь! – (Он с негодованием уставился на нее.) – Пейте коктейль! – потребовала она; Вулф продолжал тарашиться на Фифи. – Черт, какой стыд! – объявила она. – Копы с вами не разговаривают, и вот вы затарились спиртным и угощаете нас, а мы, бесовские, нос воротим. Почему бы нам не рассказать вам о том, что копы уже разнюхали? Не может быть,

чтобы они совсем ничего не разнюхали. Возьмем мисс Девлин. – Она взмахнула рукой. – Да вам всякий скажет, что она давно бы уже женила на себе Хэнка Хита, если бы Артур не рассказал ему про нее такое... Да любая женщина убила бы мужчину за это. Или...

– Фи, заткнись! – рявкнул ей Леддегард.

– Да пускай несет и дальше свой бред, – вмешалась побледневшая Делия Девлин.

Фифи проигнорировала их обоих:

– Или возьмем мистера Леддегарда, моего дорогого друга, тут все дело в его жене... Не глупи, Ледди. Все об этом знают. – Она снова повернулась к Вулфу. – Пару лет назад та поехала с Артуром в Южную Америку, заразилась какой-то болезнью и там и умерла. Понятия не имею, почему мистер Леддегард так долго тянул, чтобы его прикончить. – Она осушила стакан и поставила его на стол. – Этот Артур Рэкелл, – продолжила она, – был парень не промах. Месяц назад мы с Кэрл Берк совершенно случайно – я не буду сейчас вдаваться в подробности – выяснили, что он катался на двух лошадках. Не знаю, что испытывала Кэрл, можете спросить у нее сами, но за себя скажу: я была просто вне себя от бешенства. Жаль, что яда под рукой не оказалось. А так – чем вам не мотив. Или возьмем Хэнка Хита. Он убежден, что Артур меня соблазнил. Откровенно говоря, так оно и было. Другое дело, способен ли в наше время мужчина убить соперника только ради того, чтобы получить женщину, пусть даже и такую прекрасную, как я? Слушайте, а давайте спросим у него. – И Фифи обратилась к мистеру Хиту: – Смог бы ты убить его, Хэнк? – После чего опять повернулась к Вулфу. – Видите, какую компанию Артур пригласил на обед, но это не только его заслуга. Это я его подбила. Мне нужна была благодарная публика, которая оценила бы... Эй, больно ведь!

Рядом с Фифи оказался Хит и схватил ее за плечо. Девушка резко дернулась и налетела на Делию Девлин, тоже вставшую с кресла. Кэрл Берк и Леддегард заговорили одновременно, а Хит обратился к Вулфу:

– Ваш спектакль не удался.

Вулф поднял брови:

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Напрасно вы попросили нас приехать сюда. – Говорил он спокойно, но очень мрачно, а его остекленевшие глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. – Мисс Гохин просто-напросто дурачит вас, и...

– Вовсе нет! – живо возразила Фифи, подскочив к Хиту. – Даже и не думала, – уверила она Вулфа. – Знаете, что-то в вас есть, несмотря даже на то, что вы такой жирный. – Она потянулась за бокалом с пивом и виски. – Откройте рот, и я... Эй! Вы куда?

Ответа она не получила. Вулф поднялся с кресла и направился к двери, а затем, оказавшись в прихожей, свернул налево, в сторону кухни.

Это положило конец встрече. Присутствующие, особенно Леддегард и Хит, обменялись весьма неллицеприятными замечаниями, и я испытал немалое облегчение, открыв перед ними дверь. Я тоже вышел наружу и постоял на крыльце, наблюдая, как они спускаются по ступенькам и двигаются в сторону Десятой авеню: просто на всякий случай, а вдруг на них кто-нибудь нападет. Слава богу, ничего такого не произошло, и я со спокойной душой вернулся обратно в дом. Поскольку в кабинете было пусто, я направился на кухню.

Фриц выливал что-то густое в большой глиняный кувшин. Вулф, с ломтиком осетрины в одной руке и стаканом пива в другой, стоял и наблюдал за ним. Рот у него был занят.

Я тут же устремился в атаку:

– Признаю, эта дамочка решительно была настроена влить в вас гремучую смесь, но я был рядом и положил бы конец ее шуточкам. Зачем же убежать? Для начала нам необходимо выяснить по меньшей мере восемьдесят шесть вещей, и ведь как удачно все складывалось: они все голубчики были перед вами, а вы даже и не попытались. И между прочим, в следующий понедельник у меня начинается отпуск. И как насчет вашего правила не есть перед сном?

Вулф прожевал и проглотил рыбу, а потом хлебнул пива, поставил на стол стакан, положил осетрину и достал с полки дыню. Затем он взял с подставки нож, разрезал дыню пополам и принялся ложкой вычерпывать семечки.

– Самое время поесть, – невозмутимо сказал он. – Хочешь кусочек?

– Кто же откажется.

Мякоть персикового цвета была такой сочной, что в половинках дыни даже собрались небольшие лужицы, а ветерок из открытого окна донес до меня божественный аромат. Я взял одну половинку и ложку, зачерпнул немножко... Потом еще...

Во время еды Вулф о деле не говорит, но дыня за еду не считается. Расправившись приблизительно с половиной своей доли, Вулф заметил:

– Прошлое для нас недостижимо.

Кончиком языка я слизнул сок:

– Вот как?

– Именно. Нам потребовалась бы целая армия. Полиция и ФБР и так уже занимаются этим целых четыре дня. Где убийца взял яд? Не подменила ли капсулу миссис Кремп? Верна ли гипотеза миссис Рэкелл о возможном мотиве? Мистер Хит, судя по всему, коммунист, но вот как насчет остальных? Любой может оказаться коммунистом, как у каждого может оказаться скрытая раковая опухоль. – Он зачерпнул еще дыни и пожевал. – Я уже не говорю о мотивах, которые перечислила эта... клоунесса. Для одной лишь их проверки нам потребовался бы целый полк. Причем на помощь полиции и ФБР, сам понимаешь, рассчитывать не приходится. Все ли пятеро коммунисты? А если даже и так, то все ли они замешаны в убийстве? Вопросов куча. Как по-твоему, сколько времени нам понадобится, чтобы все выяснить?

– Года должно хватить.

– Сомневаюсь. Прошлое безнадежно. Его слишком много. Прошлое для нас недостижимо.

Я картинно пожал плечами:

– Ладно, вовсе не обязательно повторять одно и то же сто раз. Стало быть, заканчиваем с этим делом. Мне выписать чек Рэкеллу на эти три штуки прямо сейчас или подождать до утра?

– Я просил тебя выписывать чек?

– Нет, сэр.

Вулф снова взял ломтик осетрины и откусил кусок. На пережевывание он никогда не жалел усилий, и ему понадобилось добрых четыре минуты, чтобы закончить. Я тем временем разделался со своей половинкой дыни.

– Арчи, – наконец сказал Вулф.

– Да, сэр.

– Как относится мистер Хит к мисс Гохин?

– Ну... – Я задумался. – Это можно сформулировать по-разному. Я бы сказал, примерно так, как вы бы отнеслись к блюду из тушенной черепахи с хересом, видя и осезая его, если бы считали, что знаете, каким оно будет на вкус, но при условии, что прежде никогда его не пробовали.

– Хватит паясничать! – рявкнул Вулф. – Это серьезный вопрос из области, в которой ты превосходно разбираешься, а я нет. Она волнует его? Пошел бы он ради нее на риск?

– Уж не знаю, насколько он рискованный парень, но я видел, как он смотрел на нее и как отреагировал, когда она к нему прикоснулась. Еще я видел Делию Девлин, равно как и вы. Я бы сказал, Хит может попытаться перейти по крайней шаткому мостику в ветреную погоду, но только если на мостике этом будут перила.

– Именно такое впечатление у меня и сложилось. Придется попробовать.

– Что попробовать?

– Подтолкнуть их. Нанести им удар под ребра. Если прошлое этой компании нам не по силам, то будущее – совсем другое дело. И нам придется попытаться. Если не сработает, попробуем снова. – Он нахмурился. – Даже при самом удачном раскладе у нас один шанс из двадцати. Черт побери, нам потребуется помощь миссис Рэкелл! Хочешь не хочешь, но придется снова с ней встретиться. – Он зачерпнул еще дыни. – Я дам тебе подробные инструкции. Сейчас закончим с едой и пойдем в кабинет. – И с этими словами Вулф положил кусочек дыни в рот и полностью сосредоточился на вкусовых ощущениях.

Глава 4

Жизнь внесла в наш план свои коррективы. Изначально предполагалось, что миссис Рэкелл появится в кабинете на следующий день, в четверг, в одиннадцать часов утра. Однако, когда я позвонил ей около девяти, горничная заявила, что еще слишком рано, чтобы беспокоить хозяйку. Поскольку до десяти клиентка наша так и не перезвонила, я снова проявил инициативу и на этот раз добился успеха. Я объяснил миссис Рэкелл, что Ниро Вулф хочет лично обсудить с ней чрезвычайно важный вопрос, и она заверила, что будет у нас не позднее половины двенадцатого. Но ближе к одиннадцати сообщила, что позвонила мужу на работу и тот сказал: если вопрос важный и конфиденциальный, то при его рассмотрении должны присутствовать они оба. Ее муж смог бы выкроить часок или даже больше после ланча, но на четыре у него назначена встреча, отменить которую не представляется возможным. В конце концов мы договорились на шесть.

В то утро Хенри Джеймсон Хит вновь попал на первую полосу «Газетт», однако не в связи с убийством. Просто он в очередной раз отказался сделать достоянием гласности имена жертвователей, внесших залог за арестованных коммунистов. Судя по всему, Хит собирался и дальше упорствовать. Плевать он хотел на общественное мнение! Ежедневные отчеты о том, как продвигается расследование по делу об убийстве Рэкелла, публиковались на седьмой полосе, и сегодня там поживиться было нечем. Что же до меня, то, провисев на телефоне целый час, в течение которого я вылавливал Сола Пензера, Фреда Даркина и Орри Кэтера и обговаривал с ними детали, я теперь вполне мог бы с чистой совестью отправиться на бейсбол. Вулф снабдил меня множеством инструкций, однако я не мог следовать им, пока клиенты не согласятся – при условии, что они вообще согласятся, – на нашу аферу.

Миссис Рэкелл пришла первой: явилась как штык ровно в шесть. Минутой позже из оранжереи спустился Вулф, и она тут же на него напустилась. Наша клиентка вбила себе в голову, что раз уж Фифи Гохин озвучила свою возмутительную ложь о ее покойном племяннике в его кабинете, то он теперь за это и отвечает. Она все допытывалась, как Вулф намерен реагировать на клевету, и предлагала немедленно арестовать мисс Гохин. Вулфу пока еще удавалось держать себя в руках, однако ко времени, когда раздался звонок и я удрал открывать дверь Рэкеллу, в голосе Вулфа уже начало сквозить раздражение. Рэкелл рванул мимо меня на своих коротеньких ножках напрямик в кабинет, кивнул Вулфу, чмокнул жену в щеку, рухнул в кресло, вытер носовым платком длинное лицо и устало поинтересовался:

– Что случилось? Вы чего-нибудь добились от них?

– Нет. – Вулф был краток. – Пока никаких результатов.

– Что за важный вопрос?

– Не будем ходить вокруг да около. Мне нужно знать, нужна ли вам правда настолько, что вы готовы за нее заплатить, и если да, то какую сумму?

Рэкелл перевел взгляд на жену:

– О чем он толкует?

– Мы пока еще это не обсуждали, – пояснил ему Вулф. – Мы занимались вопросом, который подняла ваша жена и который я считаю несерьезным. Этот же вопрос... Пожалуй, более уместно назвать его предложением. Я хочу кое-что предложить вам.

– И что же?

– Для начала я ознакомлю вас с предпосылками. – Вулф откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. – Вы слышали, как вчера я объяснил этим пятерым, почему выдвинул гипотезу, что капсулу подменил один из них. Отталкиваясь от этого, после дальнейшего разговора с подозреваемыми я выдвинул и вторую гипотезу: при означенных обстоятельствах практически невозможно было произвести подмену совершенно незаметно. Для этого одновременно

потребовались бы и поразительная ловкость, и необычайная удача. Я соглашусь на подобное совпадение лишь при весомых доказательствах. А поэтому, предположив, что пилюлю подменили в ресторане, я также предполагаю, что один из этих пятерых – вернее, уже из оставшихся четверых – видел, кто и как осуществил подмену, то есть у нас имеется свидетель.

Однако печальные глаза Рэкелла отнюдь не загорелись интересом. Наш клиент поджал губы, отчего складки в уголках его рта проступили еще резче.

– Вполне возможно, что и так, – не стал спорить он, – но какой в этом толк, если свидетель будет молчать?

– Я предлагаю заставить его – или ее – говорить.

– И каким же образом?

Вулф потер подбородок большим и указательным пальцем. Потом перевел взгляд на миссис Рэкелл и обратно на ее мужа.

– Предприятие подобного рода, – начал он, – требует деликатности, прозорливости и скрытности. Позвольте вам все объяснить. Я вовсе не собираюсь устраивать инсценировку, чтобы наказать человека за преступление, которого он не совершал. Вполне возможно, что все пятеро являются коммунистами и, следовательно, врагами нашей страны, но это вовсе не повод облыжно обвинить кого-нибудь из них в убийстве. Моя цель ясна и проста: выявить подлинного убийцу и привлечь его к ответу, и я предлагаю идти окольным путем лишь потому, что никакой другой, судя по всему, успеха не принесет. Полиция, занимаясь данным делом уже пять дней, очевидно, пребывает в крайне затруднительном положении, равно как и ФБР, если, конечно, ваше предположение справедливо и данная структура вообще имеет к этому отношение. Я же хочу честно заработать свой гонорар, да и от славы тоже не отказался бы.

– Я так и не понял, что же конкретно вы предлагаете, – нахмурился Рэкелл.

– Знаю. Я специально был многоречив. Мне не хочется, чтобы вы неправильно меня поняли. – Вулф подался вперед и уперся ладонями в стол. – Свидетель наш, несомненно, таковым является поневоле. Я предлагаю, чтобы вы согласились предоставить двадцать тысяч долларов, которые будут выплачены только в том случае, если мой метод сработает. Данная сумма включает гонорар свидетелю за необычную услугу, а также любые непредвиденные дополнительные расходы, которые, возможно, мне придется понести, то есть, попросту говоря, вы платите, чтобы мы смогли схватить виновного. – Он поднял руку и заключил: – Вот и все.

– Бог мой! Двадцать тысяч! – Рэкелл покачал головой. – Это же куча денег. Вы хотите сказать, вам нужен чек на эту сумму сейчас?

– Нет. Вы выплатите деньги только по факту, если мой метод сработает. Никакого письменного соглашения мы заключать не будем, вполне достаточно устной договоренности. Мистер Гудвин присутствует при нашей беседе, и память у него хорошая.

Рэкелл раскрыл было рот, но тут же вновь его захлопнул. Затем обратил взор на жену. Потом опять на Вулфа.

– Послушайте, – наконец произнес он уже не равнодушно, а даже с некоторым жаром, – возможно, я просто неправильно все понял и вы сочтете меня тупым. Но у меня сложилось такое впечатление, будто вы собираетесь подкупить свидетеля. Причем на мои же деньги.

– Не будь дураком, Бен! – отчеканила его жена.

– Боюсь, вы и впрямь не поняли, – отозвался Вулф. – Давайте разберемся, что такое подкуп свидетеля. Это противоправное, уголовно наказуемое деяние. Но человек, который получит ваши деньги через мое посредничество, – кто бы он ни был – обретет их только в качестве стимула рассказать правду. Так что о нарушении закона в данном случае даже речи нет. Что же касается размера вознаграждения, ваши колебания меня не удивляют. Двадцать тысяч долларов – большие деньги, но меньшей суммой нам никак не обойтись.

Рэкелл вновь посмотрел на жену:

– Полин, что ты имела в виду, сказав «не будь дураком»?

– Да то, что ты выставишь себя дураком, если не согласишься. – Она выражалась столь категорично, что у нее – удивительное дело – даже двигались губы. – Ты ведь с самого начала хотел обратиться к мистеру Вулфу, а теперь, когда он действительно намерен что-то предпринять, талдычишь о подкупе свидетеля. Если дело лишь в деньгах, то у меня вполне достаточно своих, и я заплачу... – Тут миссис Рэкелл внезапно осеклась и поджала губы. – Я дам половину суммы, – наконец объявила она. – Будет справедливо, если мы оба заплатим поровну. – Она обратилась к Вулфу: – А кто свидетель, эта дура Гохин?

Вулф пропустил ее вопрос мимо ушей и спросил у Рэкелла:

– Так как, сэр? Что вы решили?

Рэкелл явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он всячески избегал пристального взгляда жены, но тем не менее ощущал исходившую от нее решимость. Бедняга даже с надеждой посмотрел на меня, словно ожидая помощи, но я сохранял невозмутимость. Наконец Рэкелл снова повернулся к Вулфу и произнес:

– Ладно.

– Вы безоговорочно принимаете мое предложение?

– Да. Платить буду я один. Поскольку... в общем, так будет лучше. Вы сказали, что намерены честно заработать свой гонорар. А кто будет оценивать вашу работу?

– Вы, разумеется. Надеюсь, у нас при этом не возникнет каких-либо разногласий.

– А теперь относительно вопроса, который задала моя жена... Вам известно, кто свидетель?

– Ваша жена задала его по глупости. Подумайте сами: даже если бы я и знал это наверняка, то неужели сказал бы вам? Да и, положила руку на сердце, хотите ли вы в данный момент это знать?

Рэкелл покачал головой:

– Нет, полагаю, что не хочу. Я прекрасно понимаю, мистер Вулф, что лучше просто предоставить вам... э-э... – Он так и не закончил фразу. – Вы хотите еще что-нибудь добавить?

Вулф отрицательно покачал головой. Мистер Рэкелл поднялся и продолжал стоять, словно хотел что-то добавить, да вот только не знал, что именно. Я тоже встал и двинулся к двери. Я вовсе не собирался проявлять грубость по отношению к клиенту, только что согласившемуся на предложение, которое обойдется ему в двадцать штук, но теперь, когда ситуация наконец-то прояснилась, надо было поскорее приниматься за работу. Я так и не понял, на кого именно нацелился Вулф, но рассудил, что наверняка это узнаю, как только примусь за выполнение полученных указаний. В конце концов супруги тоже двинулись к выходу, и я любезно распахнул перед ними дверь. Спускаясь по ступенькам, миссис Рэкелл крепко держала супруга под руку. Я закрыл дверь, вернулся в кабинет и спросил Вулфа:

– Ну что? Я приступаю?

– Давай.

– Уже почти половина седьмого. Если я приглашу ее пообедать... Сомневаюсь, что это верный подход.

– Подходы к женщинам – это по твоей части, а не по моей.

– Ага. – Я уселся на свое место и придвинул телефон. – Если вас интересует мое мнение, то афера, которую вы задумали, вполне может привести в каталажку нас обоих.

Он только хмыкнул. Я начал набирать номер.

Глава 5

Нью-Йорк, если захочет, может преподнести нам в качестве сюрприза приятные летние вечера, и тот вечер как раз и выдался таким – теплым, но не жарким и не душливым. Такси подкатило к тротуару у нужного мне дома на Пятьдесят первой улице, восточнее Лексингтон-авеню, и, расплатившись с водителем, я вышел и огляделся. При ярком солнечном свете старое здание из серого кирпича, возможно, выглядело не столь презентабельно, но сейчас, в сумерках, смотрелось довольно неплохо. Изучив в холле список фамилий, я отыскал в предпоследней сверху строке «Девлин – Берк». После чего огляделся в поисках лифта и, обнаружив такового, двинулся по лестнице. Тремя этажами выше одна из дверей оказалась распахнутой, и в ней меня поджидала Делия Девлин.

Я поздоровался: дружелюбно, но не перегибая палку. Она кивнула, не слишком приветливо, прижалась к стенке, чтобы дать мне пройти, закрыла за мной дверь и повела через арку в гостиную. Я с интересом поглядывал по сторонам. Кресла и диван в летних чехлах выглядели манящими и прохладными. Имелись тут и полки с книгами. Окна выходили на улицу, и, помимо арки, в гостиной были еще три двери: две нараспашку и одна лишь чуть-чуть приоткрытая.

Делия села сама и предложила сесть мне.

– Даже представить себе не могу, – объявила она несколько громче, нежели представлялось необходимым, несмотря на доносившийся сквозь открытые окна уличный шум, – какой такой загадочный вопрос вы хотите мне задать.

Усевшись, я принялся разглядывать ее. При тусклом свете торшера в углу мисс Девлин смотрелась вполне ничего. Будь уши у нее поменьше, без яркого освещения она являла бы собой вполне достойный образчик.

– Ничего загадочного тут нет, – возразил я. – Как я уже сказал по телефону, это вопрос конфиденциального характера, вот и все. Мистер Вулф решил, что было бы невежливо просить вас вновь посетить его кабинет, поэтому и послал меня. Мисс Берк ведь отсутствует, так?

– Да, пошла на мюзикл с подругой. На «Парни и куколки».

– Прекрасно. Хороший мюзикл. Вопрос действительно конфиденциальный, мисс Девлин. Значит, мы одни?

– Ну конечно. Да в чем дело-то?

Меня смущали три обстоятельства. Во-первых, у меня появилось нехорошее предчувствие, а интуиция обычно меня не подводит. Во-вторых, хозяйка говорила слишком громко. В-третьих, меня насторожил ее чересчур подробный ответ о времяпрепровождении Кэрол Берк: сообщать название мюзикла было излишним.

– Причина подобной конфиденциальности, – начал я, – заключается всего лишь в том, что вам придется решать самой, как поступить. И я сомневаюсь, что вы представляете, как далеко могут зайти другие, чтобы помочь вам в принятии решения. Говорите, мы одни, но меня ничуть не удивит...

Я вскочил, подошел к приоткрытой двери, решив, что за ней, вероятнее всего, кто-то есть, – и резко распахнул ее. Комната оказалась чуланом. Позади меня раздался сдавленный вскрик Делии Девлин. Передо мной же, прислонившись спиной к полкам, заставленным коробками и всякой всячиной, возникла Кэрол Берк. Бросив на Кэрол беглый взгляд, я понял, какие у нее бывают глаза, когда происходит нечто по-настоящему волнующее.

Я отступил назад. Делия Девлин, тараторя всякий вздор, оказалась рядом. Я схватил ее за руку достаточно крепко, чтобы она поняла, что со мной шутки плохи, и обратился к Кэрол Берк, уже выходившей из чулана:

– Боже мой, неужели я выгляжу таким олухом? Боюсь, ваш косой взгляд не столь пронизателен, как вы себе воображаете...

Делия набросилась на меня:

– Убирайтесь вон! Немедленно!

Кэрол остановила подругу:

– Ладно, Делия, лучше уйду я. – Она держалась спокойно и высокомерно. – Что с него взять, он всего лишь жалкий маленький подпевала, пытающийся надуть нас по поручению своего босса. Вернусь через час или около того.

Кэрол двинулась прочь. Делия протестующе схватила ее за руку, но Кэрол вырвалась и исчезла за одной из открытых дверей. Из смежной комнаты донеслись звуки, и вскоре она появилась снова, в шляпке, жакете и с сумочкой, и прошествовала в прихожую. Наружная дверь открылась и захлопнулась. Я подошел к окну, высунулся наружу и через минуту увидел, как Кэрол вышла из подъезда и направилась в западном направлении.

Я вернулся к своему креслу и сел. Открытый чулан смотрелся неприглядно, так что я встал, закрыл дверь и снова уселся. Затем бодро возвестил:

– Забудьте. Все равно задумка с чуланом была никудышной, она бы там задохнулась. Сядьте и расслабьтесь, а я попытаюсь надуть вас по поручению своего босса.

Делия продолжала стоять.

– Меня не интересует, что вы там скажете.

– Тогда вам не следовало меня впускать. И уж точно не стоило запихивать мисс Берк в чулан. Ладно, проехали. Итак, вопрос следующий. Я всего лишь хочу выяснить, не нужны ли вам десять тысяч долларов.

Она вытаращила глаза:

– Что?

– Сядьте, и я все объясню.

Мисс Девлин опустила в кресло, и я слегка подвинулся, чтобы было удобнее смотреть ей в глаза.

– Для начала хочу рассказать вам кое-что о расследовании убийства. В...

– Я уже больше слышать ничего не могу на эту тему.

– Тем не менее вам придется меня выслушать. Если уже получилось так, что вы замешаны в убийстве, полиция, понятное дело, с вами миндальничать не станет. Пока дело Рэкелла не будет раскрыто, вам придется выслушивать о нем все новые и новые подробности чуть ли не до конца жизни. Примите этот факт, мисс Девлин. – (Она ничего не ответила, лишь сцепила руки.) – Так вот, насчет расследования убийства. Когда совершается такого рода преступление, копы допрашивают каждого, кто может располагать хотя бы крупицей полезной информации. Допустим, они допросили пятьдесят человек. Сколько из этих пятидесяти ответили на все вопросы правдиво? Может, десять, а может, лишь четверо или пятеро. Сотрудникам убийного отдела это прекрасно известно, а потому, если они считают, что дело того стоит, в поисках истины снова и снова задают одни и те же вопросы одному и тому же человеку. И в конце концов, как правило, выводят на чистую воду ловкачей, которые состряпали ту или иную историю, чтобы ввести следствие в заблуждение. Вы, конечно же, к таковым не относитесь. Вы ведь всего лишь ответили на простой вопрос «нет», вместо того чтобы сказать «да». Так что полицейским вас не поймать...

– На какой еще вопрос? О чем вы говорите?

– Я как раз к этому и веду. Видите ли...

– Вы хотите сказать, я солгала? В чем?

Я покачал головой, давая понять, что вовсе не считаю ее лгуньей.

– Подождите, дайте мне закончить. Вы, конечно же, немало удивились бы, заяви я без обиняков, что Фифи Гохин убила Артура Рэкелла, подменив тем вечером в ресторане капсулу,

и что вы видели, как она это проделала. Естественно, удивились бы, поскольку полиция уже спрашивала вас, не заметили ли вы, чтобы кто-либо совершал подобную манипуляцию, и вы ответили «нет». Не так ли?

Делия сосредоточенно хмурилась, по-прежнему сцепив руки:

– Но вы... Вы ведь ничего такого не говорили.

– Точно. Я предпочел бы выразиться по-другому. У Ниро Вулфа особый подход к расследованию: он считает, что цель оправдывает средства. И он решил, что, если пошлет меня побеседовать с вами и попросит рассказать полиции, что вы видели, как Фифи Гохин подменила капсулу, это послужит интересам истины и правосудия. Теперь вам ясна цель моего визита? Разумеется, вам это доставит некоторые затруднения, но не такие уж и серьезные. Как я уже объяснил, для полиции вовсе не в новинку, когда кто-то из свидетелей внезапно что-то вспоминает. Можете сказать, что вы с мисс Гохин – давние подруги и поначалу вам было неловко выступать с подобным заявлением, но теперь стало понятно, что этого не избежать. Если захотите, вы можете даже сказать, что я приходил к вам и уговаривал дать показания, но вот только упоминать про десять тысяч долларов определенно не следует. Это...

– Про какие еще десять тысяч долларов?

– Об этом я и толкую. Мистер Вулф также пришел к заключению, что было бы неразумным ожидать, будто вы решитесь на подобное испытание без какой-либо компенсации. Он сделал предложение мистеру и миссис Рэкелл, и они согласились предоставить определенную сумму. Десять тысяч из нее отойдут вам в качестве признательности за ваше сотрудничество с нами во имя правосудия. Деньги будут переданы вам наличными в течение сорока восьми часов после того, как вы выполните свою часть договора... Да, кстати, нам необходимо будет предварительно обсудить, что именно вы расскажете полиции. Одним словом, от имени Ниро Вулфа я гарантирую вам выплату всей суммы в течение двух суток, или же, если вы пожелаете, мы можем прямо сейчас отправиться к нему в кабинет, и он заверит вас в этом лично. Не спрашивайте меня, на основании чего мистер Вулф сделал вывод, что преступление совершила Фифи Гохин и что вы видели это, поскольку я не знаю. Как бы то ни было, если Вулф прав, а обычно он всегда оказывается прав, убийца лишь получит то, что заслужил. И справедливость, таким образом, восторжествует.

Я замолчал. Мисс Девлин сидела неподвижно, не отрывая от меня взгляда. Света было мало, и прочитав что-либо в ее глазах не представлялось возможным. Секунды переросли в минуту и потекли дальше, и я уже начал думать, что в буквальном смысле слова оглушил свидетельницу своим выступлением, а потому легонько толкнул ее локтем и поинтересовался:

– Я все ясно изложил?

– Да, – пробормотала она, – абсолютно ясно.

Внезапно ее пробил дрожь, и она уронила голову на руки, опершись локтями на колени. Затем дрожь прошла, и Делия замерла в такой позе. Она сидела так долго, что я решил было, что потребуется еще один толчок, но только я собрался вмешаться, как она выпрямилась и требовательно спросила:

– Почему вы думаете, что я пойду на это?

– Я ничего не думаю. Это мистер Вулф думает. А я всего лишь жалкий маленький подпевала.

– Вам лучше уйти. Пожалуйста, уходите!

Я поднялся и замер в нерешительности. Ну и как, черт побери, лучше действовать в такой ситуации?! Попытаться надавить на мисс Девлин, чтобы она ответила «да» или «нет», или же так и оставить дело в состоянии неопределенности? Но не мог же я стоять там целую вечность, обдумывая этот вопрос, пока она тарасилась на меня, а потому сказал:

– Я считаю, это выгодное предложение. Наш номер найдете в телефонном справочнике.

С этими словами я направился к выходу, и она меня не окликнула. Я вышел из квартиры, спустился на три этажа, нашел на Лексингтон-авеню телефонную будку и набрал номер, известный мне лучше остальных. Через мгновение в ухе раздался голос Вулфа.

– Все сделал, как было велено, – отрапортовал я. – Звоню из автомата. Только что оставил объект.

– В каком настроении?

– Сам не пойму. Сначала я обнаружил, что в чулане пряталась Кэрол Берк. После того как эта проблема была решена и мы остались одни, я стал действовать согласно сценарию, и мне удалось произвести на нее впечатление. По части объяснений мне нет равных, так что у нее даже не возникло вопросов. Освещение, правда, было не очень, но, насколько я могу судить, перспектива срубить десять кусков показалась ей не такой уж и отвратительной, равно как и возможность навлечь неприятности на мисс Гохин. Но потом она вдруг очень расстроилась и велела мне уйти. Я решил, что разумнее будет подчиниться. Когда я уходил, она обнималась сама с собой.

– Что она собирается делать?

– Да кто ж ее знает. Но я предупредил: если она решится действовать, нам надо будет подробно обсудить, что именно ей говорить копам. Хотите послушать мои прогнозы?

– Валяй.

– Значит так. Что она выболтает все копам – единственный вариант, который нам все испортит, – один к сорока. Но, полагаю, мозг ее будет работать в другом направлении. Что решит сотрудничать с нами – один к двадцати. Характер у нее недостаточно твердый. Что просто будет молчать – один к пятнадцати. От нее этого вполне можно ожидать. Что расскажет мисс Гохин – один к десяти. Слишком уж ее ненавидит. Что выболтает Кэрол Берк – один к двум, однако я бы на это ставить не стал. Что поделится с мистером Х. – сто процентов, и совершенно не важно, кто там из них коммунист, а кто нет. Это продемонстрировало бы ему, сколь она прекрасна, великодушна и благородна. К тому же не исключено, что она на самом деле такая и есть. Ладно, наживка брошена, подождем результата. Сол там?

– Да. Я не имею привычки тратить деньги, в том числе и свои личные сбережения, при ничтожных шансах.

– Свои личные сбережения в особенности. Вы еще забыли добавить, что вам неведомо чувство страха, когда на мою шею набрасывают петлю. Так мы продолжаем игру?

– У нас есть выбор?

– Нет. Сол привел своих людей?

– Привел.

– Тогда скажите ему, чтобы пошевеливался, я жду его на углу Шестидесят девятой улицы и Пятой авеню. Возможно, прямо сейчас она звонит Хиту.

– Очень хорошо. Потом вернешься домой.

Я повесил трубку и выбрался из духовки, в которую превратилась телефонная будка. Эх, сейчас бы освежиться большим стаканом колы с лаймом да льдом! Однако Делия уже вполне могла позвонить Хиту и застать его дома, следовательно о прохладительных напитках пришлось на время забыть. Через шесть минут такси доставило меня на перекресток Шестидесят девятой улицы и Пятой авеню. Мои часы показывали 21:42.

Я побрел по Шестидесят девятой на восток и остановился под навесом напротив многоквартирного дома, где жил Хенри Джеймсон Хит. Осматриваться не было необходимости, поскольку днем здесь уже побывал Сол Пензер, который и произвел разведку, и выявил подходящие для укрытия места. Может, в этом и не было особой необходимости, однако хвост у нас предполагался весьма затейливый – в три смены, по три человека в каждой: первой руководил Сол, второй – Фред Даркин, а третьей – Орри Кэтер. Подобная слежка обойдется нам в пятнадцать баксов в час. Ничего себе расценочки, учитывая, что Вулф оценил наши шансы на

успех как один к двадцати! За исключением швейцара в униформе, никого поблизости видно не было, и я снова скрылся за углом.

Подъехало такси, и из него вышли трое. Двоих я знал лишь шапочно, да и досье их просматривал лишь бегло. А вот третьим был Сол Пензер. Я бы очень хотел, чтобы этот парень был поблизости в тот день, когда повисну над пропастью с устремившимися на меня орлами. Сутулый и носатый, он выглядит в пять раз менее сильным и в десять раз менее толковым, нежели является в действительности. Я пожал Солу руку – мы с ним не виделись около недели – и кивнул остальным.

– Вопросы есть? – спросил я.

– Да вроде бы нет. Мистер Вулф полностью меня проинструктировал.

– Хорошо, приступай. Ты в курсе, что его могут вести также и сотрудники убийного отдела?

– Конечно. Постараемся не столкнуться с ними.

– Да, чуть не забыл: это единственный наш шанс на успех, больше ставить просто не на что. Так что упустите его поскорее, и разойдемся по домам.

– Упустим как пить дать, можешь не сомневаться.

– Вот и молодец. Такой молодец, что тебе просто хоть памятник в парке ставь. Ладно, увидимся в суде, на скамье для свидетелей.

На этом мы распрощались. Все мои помыслы теперь сосредоточились на коле с лаймом. Можно было заказать ее на Мэдисон-авеню, но я все же заставил себя отмахать целый квартал на север до Семидесятой улицы. Шестьдесят девятая отныне принадлежала Солу и его команде.

Глава 6

На следующий день, в пятницу, в одиннадцать часов утра я сидел в кабинете, прислушиваясь к лязгу лифта: это Вулф спускался из оранжереи.

Делия Девлин не подавала никаких признаков жизни, впрочем это нам и не требовалось. Мы получили ожидаемое, по крайней мере первый взнос. Этой ночью, в 0:42, Сол сообщил по телефону, что Хит отметился на Шестьдесят девятой улице, прибыв туда на такси, без сопровождающих. Более вплоть до 6:20 утра, когда Сол доложил, что на смену ему заступил Фред Даркин с двумя своими людьми, никаких вестей от него не поступало. В 10:23 позвонил Фред: Хит покинул свой дом, доехал на такси до Восточной Пятьдесят первой улицы, 719, и вошел внутрь. Именно в это здание из серого кирпича я и нанес визит днем ранее. Далее Фред уведомил, что признаков полицейского хвоста они не заметили и что его люди рассредоточились на местности. Я на радостях уверил Фреда, что он мой любимый ирландец и таковым и останется, если не упустит объект, после чего перезвонил Вулфу в оранжерею и отчитался.

Вулф вошел, сел за свой стол, просмотрел утреннюю почту, подписал пару чеков, продиктовал заявку на колбаски какому-то торговцу из штата Висконсин и принялся разгадывать кроссворд в лондонской «Таймс». Я аккуратно и как ни в чем не бывало продолжил заниматься рутинными делами, давая понять Вулфу, что способен тягаться с ним по части сохранения спокойствия в любой ситуации. Я как раз закончил печатать адрес на конверте и стал вынимать его из машинки, когда раздался звонок в дверь. Я отправился в прихожую, однако, лишь взглянув на крыльцо сквозь одностороннюю стеклянную дверную панель, вернулся в кабинет и объявил:

– Боюсь, букмекер из меня никудышный. Я поставил сорок к одному, что она не проболтается. Увы, к нам пожаловали Уэнгерт и Кремер. Правда, еще не поздно улизнуть через черный ход и рвануть в Мексику.

Вулф, который как раз аккуратнейшим образом вкладывал письмо в конверт, невозмутимо закончил свою работу и только потом поднял взгляд:

– Арчи, опять твои шуточки?

– Никак нет, сэр. Я сказал чистую правду.

– Вот как. – Его брови поднялись на миллиметр. – Ну что же,пусти их.

Я прошел в прихожую, повернул ручку и распахнул дверь.

– Привет-привет! – бодро произнес я. – Надо же, какое совпадение: мистер Вулф буквально минуту назад сказал, что хотел бы повидаться с мистером Кремером и мистером Уэнгертом, а вы уже здесь.

Однако гости не оценили по достоинству мое жизнерадостное приветствие, а лишь молча пересекли порог и без лишних слов направились в кабинет. Я закрыл дверь и последовал за ними. Увидев, что Уэнгерт и Вулфжимают друг другу руки, я сначала решил было, что все не так уж плохо, но потом вспомнил одного окружного прокурора, который перед судом неизменно обменивался рукопожатиями с обвиняемыми, давая понять: мол, ничего личного. Обычно Кремер занимал красное кожаное кресло у стола Вулфа, но на этот раз инспектор уступил его Уэнгерту, и я придвинул ему одно из желтых.

– На днях я посылал вам через Гудвина привет, – сказал Уэнгерт. – Надеюсь, он не забыл передать?

Вулф вежливо склонил голову:

– Не забыл. Благодарю.

– Я и предположить тогда не мог, что увижусь с вами столь скоро.

– Как и я.

– Да уж. – Уэнгерт скрестил ноги и откинулся на спинку кресла. – Гудвин говорил, что вас наняли мистер Бенджамин Рэкелл и его супруга.

– Совершенно верно, – небрежно ответил Вулф. – Попросили расследовать смерть их племянника. Они сказали, что он якобы работал на ФБР. Не желая вторгаться на чужую территорию, я послал к вам мистера Гудвина.

– Не рассказывайте нам сказки. Вы послали его, надеясь получить полезную информацию.

– Я потрясен вашей проницательностью, – пожал плечами Вулф. – Мои мотивы зачастую не до конца ясны мне самому, зато вам они всегда полностью известны. Хорошо, не буду спорить. Даже если задание мистера Гудвина и заключалось именно в этом, он в любом случае не преуспел. Вы ничего ему не сказали.

– Только этого еще не хватало, показывать наши досье частным детективам. Поскольку я нанес вам визит, вы можете сделать вывод, что ФБР убийством Рэкелла все-таки занимается, но это не для прессы. Если вы не хотели оказаться на нашей линии огня, то определенно просчитались. Официально расследование ведет убойный отдел Манхэттена, а я просто послушаю вашу беседу. – Он кивнул Кремеру. – Начинайте, инспектор.

Кремер всегда с трудом держал себя в руках. Похоже, он готов был вот-вот взорваться, его крупное красное лицо становилось багровым, и краска заливала даже мощную мускулистую шею. Он выпалил Вулфу:

– Клянусь, я удивлен! Ну ладно Гудвин, но вы-то, вы! Это же подстрекательство к лжесвидетельству. Попытка подкупить свидетеля, заставив того дать ложные показания. Я знал, что иногда вы идете на крупный риск, но, святые угодники, сейчас у меня просто нет слов!

– Вы утверждаете, что мистер Гудвин и я подстрекали свидетеля дать ложные показания? – нахмурился Вулф.

– Да, вы пытались это сделать!

– Боже мой, это очень серьезное обвинение! У вас должны быть ордера. Можно посмотреть?

– Говорите с ним начистоту, инспектор, – посоветовал Уэнгерт.

Кремер повернулся ко мне:

– Ты был вчера вечером в квартире у Делии Девлин на Пятьдесят первой улице?

– Сегодня жарче, чем вчера, – изрек я.

– Я задал тебе вопрос!

– Это несерьезно, – бросил ему Вулф. – Вам должны быть известны процессуальные нормы обращения с подозреваемыми. Мы знаем свои права.

– Говорите с ним начистоту, – повторил Уэнгерт.

Кремер испепелял Вулфа взглядом:

– Скажите пожалуйста, им известны процессуальные нормы! Ладно, не будем ходить вокруг да около. Вчера вы послали Гудвина к Делии Девлин. От вашего имени он предложил ей десять тысяч долларов за лжесвидетельство: мисс Девлин должна была сказать, что якобы видела, как Фифи Гохин подменила капсулу за обедом. Нам известно также, что деньги на подкуп свидетельницы собирались предоставить мистер и миссис Рэкелл. Таким образом, подстрекательство к лжесвидетельству налицо. Теперь, если не возражаете, я задам Гудвину кое-какие вопросы.

– Позвольте мне. – Взгляд Вулфа переместился на меня. – Арчи, правда ли то, что мы только что услышали от мистера Кремера?

– Нет, сэр.

– Тогда не отвечай на вопросы. Полицейский не вправе допрашивать гражданина по поводу дела, в изложении которого допустил неточность. – Он повернулся к Кремеру. – Это может продолжаться до бесконечности. Почему бы нам не решить проблему окончательно как

разумным людям? – Вулф обратился ко мне: – Арчи, позвони мисс Девлин и попроси ее немедленно приехать сюда.

Я взялся за телефон и начал набирать номер.

– Гудвин, прекрати! – рявкнул Уэнгерт.

Я не обратил на него никакого внимания. Кремер, проявив несвойственную ему резвость, стрелой метнулся ко мне и нажал на рычаг. Я оторвался от телефона и посмотрел на него. Кремер ответил мне хмурым взглядом. Тогда я положил трубку на рычаг. Он вернулся на место.

– В таком случае нам придется сменить тему, – сухо заявил Вулф. – Несомненно, ваша позиция оказалась несостоятельной. Вы ставите нам в вину некое предложение, которое мистер Гудвин якобы сделал от моего имени мисс Девлин. Однако, на мой взгляд, сначала нужно установить, что именно было сказано, а для этого необходима очная ставка. Вы же категорически запрещаете нам связаться с мисс Девлин. Очевидно, вы просто не хотите, чтобы свидетельница знала о том, что здесь происходит. Это представляется мне нелогичным, но я воздержусь от критики в ваш адрес. Совершенно невероятно, чтобы полиция и ФБР вступили в заговор с целью ввести в заблуждение гражданина, пусть даже и меня.

Лицо и шею Кремера вновь начала заливать краска.

Уэнгерт прочистил глотку.

– Послушайте, Вулф, – уже отнюдь не агрессивно начал он, – давайте поговорим как разумные люди.

– Я только за. Начинайте.

– Хорошо. В этом деле затронуты интересы американского народа и правительства Соединенных Штатов. А защита этих интересов, как вам известно, и является моей прямой обязанностью. Я знаю, что вы с Гудвином можете держать рот на замке, если захотите. То, что я сейчас скажу, оглашению не подлежит. Это понятно?

– Да.

– Гудвин, вы меня слышали?

– Так точно, сэр.

– Смотри не вздумай проболтаться. Артур Рэкелл сказал своей тетушке, будто работает на ФБР. Это была ложь. Он либо состоял в партии, либо же просто симпатизировал коммунистам, на этот счет уверенности у нас нет. Мы не знаем, кому, помимо тети, он наплел насчет работы в ФБР, но пытаемся установить это, так же как и полиция. Его мог убить коммунист, который каким-то образом разнюхал об этой байке и поверил в нее. Были и другие мотивы, личные, но данная версия пока все-таки основная. Вот почему мы занимаемся этим делом. Затронуты общественные интересы, можно сказать, даже государственные. Теперь вам это понятно?

– Мне это было понятно, – пробурчал Вулф, – еще позавчера, когда я посылал к вам мистера Гудвина.

– Хорошо. – Уэнгерт решил обойтись без грубостей. – А теперь я хотел бы кое-что прояснить, мистер Вулф. Я вполне допускаю, что вас интересует лишь изобличение убийцы и получение гонорара. Но нам известно, что вчера вы послали Гудвина к мисс Девлин с предложением заплатить ей за показания, будто она видела мисс Гохин в момент совершения преступления. Зная вас, я не сомневаюсь, что вы не выкинете подобный трюк просто так. Вы говорите, что считаетесь с интересами общества. Прекрасно, вот мы с инспектором пришли сюда как официальные лица и просим, чтобы вы открыли нам карты. Мы ничего не скрываем и ожидаем от вас подобного доверия. Какую цель вы преследовали, отправив Арчи к мисс Девлин?

Вулф сочувственно рассматривал его из-под полуопущенных век:

– А вы отнюдь не простофиля, мистер Уэнгерт. – Взгляд его переместился на инспектора. – И вы тоже, мистер Кремер.

– Весьма признателен! – пророкотал Кремер.

– Да, принимая во внимание, сколько вокруг болванов. Но ваш визит сюда и попытка выудить из меня информацию, предельно вежливо или же оказывая давление, не слишком разумны. Хотите послушать мои объяснения?

– Если это не затянется.

– Я буду предельно краток. Давайте сделаем ряд предположений. Допустим, я уговорил мистера и миссис Рэкелл профинансировать это сомнительное мероприятие. Допустим также, что я послал мистера Гудвина к мисс Девлин. Что он рассказал ей о моем заключении, якобы Артура Рэкелла убила мисс Гохин, а она видела, как было совершено преступление. Хорошо, пусть я через Гудвина предложил ей проинформировать об этом полицию. И наконец, пусть в качестве компенсации за нравственные и душевные страдания я пообещал выплатить этой женщине крупную сумму из средств, которые будут предоставлены супругами Рэкелл. – Вулф приподнял руку. – Даже при условии, что я все это действительно сделал, это нельзя квалифицировать как подстрекательство к лжесвидетельству, поскольку никто не докажет, что эти показания были бы ложными; более того, в таком случае мисс Гохин могла бы подать на меня иск за клевету. Это был бы рассчитанный риск, на который мне пришлось пойти, и ход последующих событий показал бы, точен ли мой расчет. Существовал бы также и риск предъявления обвинения в препятствовании отправлению правосудия, однако и здесь все зависело бы от развития событий. Если бы это обернулось служением правосудию, а не созданием ему помех и если бы мисс Гохин так или иначе не пострадала, я был бы полностью удовлетворен. И я надеюсь, именно так все и случится. Я ожидаю этого.

– Значит, вы можете...

– С вашего позволения, я продолжу. Теперь предположим, что, совершив все то, о чем я вам сейчас рассказал, я раскрою вам также все свои расчеты и предположения. Тогда вам придется либо помешать мне, либо встать на мою сторону. Препятствовать мне с вашей стороны было бы глупо – уж можете мне поверить. Это было бы просто невыносимо. Но также невыносимым для вас оказалось бы и действовать со мной заодно, не важно, активно или пассивно. Каким бы ни оказался исход, вы не можете себе позволить даже быть в курсе предложения подкупить свидетеля по делу об убийстве, независимо от того, подлинные или ложные показания от него требуются. Вам запрещает это само ваше положение. Я – частное лицо, и мне подобное позволительно. Вам – нет. Так какого черта вы явились ко мне?! Если уж меня постигнут поражение, позор и наказание – что ж, так тому и быть. Но зачем вы пришли сюда и всячески стараетесь узнать правду, если этим лишь навредите себе? – Вулф махнул рукой и завершил свою речь: – К счастью, я всего лишь обсуждал ряд предположений. Возвращаясь к реальности, я буду рад предоставить вам, джентльмены, любую информацию, о которой вы должным образом попросите... И мистер Гудвин, естественно, тоже вам поможет. Итак?

Они переглянулись. Кремер фыркнул. Уэнгерт дернул себя за ухо и уставился на меня. Я в ответ уставился на него – тоже открытым и совершенно невинным взглядом. Он понял, что от меня проку не будет, и вновь принялся за Вулфа.

– Вы ломали комедию, – объявил он, – когда велели Гудвину позвонить мисс Девлин. Мне следовало предвидеть это. Глупо получилось.

Зазвонил телефон, и я повернулся снять трубку:

– Кабинет Ниро Вулфа, Арчи Гудвин у телефона.

– Это Раттнер.

– А-а, привет. Убавь громкость, у меня чувствительные уши.

– Даркин послал меня позвонить, сам висит на хвосте у объекта. В одиннадцать сорок одну объект вышел из дома семьсот девятнадцать по Восточной Пятьдесят первой улице. Он был один. Направился по Лексингтон-авеню, свернул за угол в аптеку и в данный момент находится там в телефонной будке. Я в ресторане на противоположной стороне улицы. Будут какие-нибудь указания?

– Никаких, благодарю. Привет семье.

– Понял.

Он отключился, я повесил трубку и развернулся обратно, чтобы вновь принять участие в прениях, однако они, очевидно, завершились. Оба посетителя уже встали, и Уэнгерт двинулся к двери. Кремер же на прощание говорил Вулфу:

– ...но не вся наша беседа носила конфиденциальный характер. – «Не вся» он произнес с нажимом. – Я специально обращаю на это ваше внимание.

Затем он развернулся и последовал за Уэнгертом. Я не видел никакого смысла провожать их, так как двое взрослых мужчин вполне в состоянии сами открыть дверь, но в прихожую все же вышел, просто понаблюдать. Когда они оказались на улице, я вернулся назад и заметил Вулфу:

– Ловко. А вдруг бы они позволили мне позвонить мисс Девлин?

Он скривился:

– Пф! Если бы они узнали обо всем от нее, то ни за что бы сами сюда не приехали. Они прислали бы за тобой копа, возможно с ордером.

– И все равно они могли бы позволить мне позвонить ей.

– Вряд ли, ведь тогда выяснилось бы, кто их навел. А если бы мисс Девлин и в самом деле выехала к нам, я бы сумел выпроводить эту парочку до ее прибытия.

Я поставил желтое кресло на место.

– Тем не менее я рад, что все обошлось. Да и вы тоже. Звонил Раттнер, отчитывался за Фреда. Хит пробыл у мисс Девлин один час и четыре минуты. Ушел от нее в одиннадцать сорок одну и, когда Раттнер звонил, находился в телефонной будке в аптеке.

– Приемлемо. – Вулф взял карандаш и с кротким вздохом склонился над кроссвордом.

Глава 7

Самым длинным днем считается двадцать первое июня, но в этом году таковой пришелся на третье августа. После ухода Кремера и Уэнгерта время растянулось так, будто я провел в кабинете недели. Настроение у меня было препаршивое, ведь благополучно выплыть мы могли благодаря лишь одному-единственному обстоятельству, тогда как потопить нас могла целая дюжина. Ребята могли потерять объект. Или же он мог уладить вопрос по телефону. Это крайне маловероятно, но все же не исключено. Или Вулф мог полностью ошибиться в своих заключениях. Если помните, он сам оценивал шансы лишь как один к двадцати. Кроме того, Хит мог встретиться с этим человеком – кем бы тот ни был – в таком месте, где их нельзя накрыть. В дело мог вмешаться полицейский или агент ФБР, и тогда все пошло бы прахом. Да мало ли что еще могло случиться, всего не предусмотреть.

Накладные расходы увеличились. Если сигнал все-таки последует, мне необходимо будет действовать без промедления. Я не хотел терять драгоценные минуты или даже секунды на поиски транспорта, поэтому на заправке на углу Одиннадцатой авеню Херб Аронсон держал для нас свое такси – пять баксов в час. Кроме того, он пришел к нам на ланч, а в семь часов вечера – еще на обед.

При очередном телефонном звонке я немедленно хватался за трубку, радуясь и страшась одновременно. Это могла быть отмашка, но, с другой стороны, могла быть и ужасная весть, что наши помощники его потеряли. Слежка за объектом в Нью-Йорке, в особенности если у него имеется важная причина для соблюдения секретности, требует не только великого мастерства, но и огромной удачи. Мы покупали мастерство – в лице Сола, Фреда и Орри, – но вот удачу купить невозможно.

Однако удача нас не подвела, равно как и вышеупомянутая троица. До двух часов, когда Фред сменил Орри Кэтер, от первого последовало еще два донесения: он действовал все так же через Ратнера. Фред сообщил, что Хит, сделав пару телефонных звонков в аптеке и книжном магазине, зашел на ланч в ресторан на Сорок пятой улице и теперь ест с двумя мужчинами, по описанию мне незнакомыми. Признаков официального хвоста по-прежнему не наблюдалось. Орри также несколько раз докладывал мне обстановку. В 14:52 Хит и оба его соотрапезника покинули ресторан, добрались на такси до его дома на Шестьдесят девятой улице и проследовали внутрь. В 17:35 те двое неизвестных удалились. В 19:03 Хит отправился на такси в ресторан «У Чезара», где встретился с Делией Девлин, и они вместе пообедали. В 21:14 они поймали такси, доехали до серого кирпичного здания на Пятьдесят первой улице и вошли внутрь. Хит все еще оставался там в 22:00, когда Орри должен был сменить Сол Пензер. Они состыковались на углу Пятьдесят первой и Лексингтон-авеню.

К тому времени я бы уже жевал железнодорожный костыль, имейся у меня таковой, однако Вулф отчаянно пытался изображать безмятежность. Между половиной десятого и половиной одиннадцатого он установил рекорд, предприняв аж четыре экспедиции к книжному шкафу и поочередно берясь за различные книжки.

Я брюзгливо поинтересовался:

– Что, не терпится?

– Да, – ответил он спокойно. – А тебе?

– И мне.

Незадолго до одиннадцати началось. Зазвонил телефон, и я схватил трубку. Это оказался Билл Дойл. Он тяжело дышал.

– Совсем запыхался, – выдавил Билл. – Как только объект ушел оттуда, так сразу же резко поумнел и принялся откалывать номера. Мы дали ему засечь Эла и сбежать от него – ну, вы знаете, как Сол это проделывает, – но даже тогда, черт возьми, чуть не потеряли его! Он

добрался до угла Восемьдесят шестой улицы и Пятой авеню, а оттуда направился в парк. Там на скамейке сидела женщина с колли на поводке, и он остановился и стал точить с ней ляды. Сол считает, вам лучше приехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.